

Евгений Силантьев

АНГЕЛ МИРА



Евгений Силантьев

Ангел мира

«Автор»

2018

Силантьев Е.

Ангел мира / Е. Силантьев — «Автор», 2018

"Ангел мира" включает и нравоучение, и комедию. Написанный в начале нового тысячелетия, он поражает нас своей непреходящей свежестью и актуальностью заявленных в нём тем. Стиливая "вставку", "сказка", "роман", "детектив", "художественная проза", "дневник", "пьеса", "авангард", "записная книжка". Дебют выпускника Литинститута. В качестве бонуса тексты "Нас не будет там после", "Плоть" и другие, а также эссе "О суккубах в постреальном пространстве" и "Измерение искусства". Книга понравится любителям "серьёзной литературы", но и не только: также всем тем, кто любит вспомнить студенческую жизнь, либо сам студент, клубную культуру девяностых, музыку вообще, мистическое настроение и пародии на него, пребывание в одиночестве и изысканные фантазии на классические темы, постмодернистские трактаты и реальные случаи. Это не "книга в подарок", а авангардный коллаж. Водоворот стилей, мыслей, чувств, воспоминаний, местности и плоскости, реальности и книги. "Ангел мира" в центре внимания сегодня.

© Силантьев Е., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Ангел мира	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Евгений Силантьев

Ангел мира

Ангел мира

Вот «Букинист» на Литейном, где книги сдают утром. «Академия», Свифт, двадцать рублей всего. «Элегии». «Письма с Понта». И Овидий. Рядом магазин, новинки непретенциозные. «О жизни и смерти». Стихов сборник. Томас Манн. «Избранник». Девятнадцать рублей. По Невскому пешком (прогуливались поэты ямбом), до кухмистерской любимой-с-детства. Так и надо. Невский проспект, о! Теперь название зачем-то сняли – «Лакомка». Булочку «Метрополь» (со сливками взбитыми), чёрный кофе (настоящий, заварной). Дёшево всё. И странно, что вкусно. Бой «Макдональдсу»! Вот так, не спеша. Без роду-племени (две с половиной кроны). По городу – с резвостью детской – топографы путешествуют! Пьют рядом кофе. Особая линейка измерительная. Чёрно-белые деления. Тренога какая-то (треножник?). Тоже, землемеры. От кумиров ложных (почто ж мне идола бесчестны?) освобождения признаком является апатия к политике, сексу и искусству. А нам всё равно. Восемьдесят четыре рубля. Окончание. Туристы в Михайловском саду мимо стоя в катере проплывают. Бедняги. Уплывает жизнь. Покудова на мостике мешкал, туристов моих пересчитывая, занята скамейка (вид на Марсово поле). Вглубь парка направим стопы. Там. Улыбаясь колдовски, роман читает темноволосая женщина. Свобода. Тридцать рублей.

День дурацкий – это правильно. Но полдня болтался по комнатам – преувеличение явное. В постели пишу, как тигр, разлѣгшись. Это верно.

Дня остаток проспал и всё сны видел из прошлой жизни Артюра Рембо. Ибо умны мы очень и начитаны. «Что вы говорите», – воскликнул я донельзя громко для низкого прохода за диваном, но побоялся понизить голос.

Якобы, взгляд привлекательный, да и сам он, злословить или смеяться готовый, лица выраженье необщее об оригинальности говорит и открытости, а также о независимости доле изрядной; ничего лесистого, горного, снежного. Лицо его бледнело от момента торжественности. Говорил, судорожно стараясь вообразить за словами какие-то любовные истории с занятыми положениями, не помешало бы и немного грубости, решительности, насилия. Переворот, переворот. «Его любовь к свободе с первых минут знакомства очаровала её.»

Ничего себе, – читать, спать: одно и то же.

Явился и сияющий разум, и доброта врождённая; восприимчивость, бескорыстие и произвольное душевных движений благородство. Чудесные свойства, замечательные!

«Бордо» купить – разлива (здесь через о) петербургского из магазина «Копейка». Ничего копеечного нет в нём, разумеется.

О женщинах небывалых нелюбимых стихами лирическими делится по радио Андрей Дмитриевич. «Проходит кто-то мимо, когда бы рядом сесть.» К поэзии ненависть неуместна. Всюду были огни. Готовились к ужину. Ночь была начертана себе на небе. Что видел он уже при звёздах? (Не меня ли, стоящего на зелёной мостовой? Затем я с удовольствием пошёл к пианисту, погубит меня тщеславье, который в полном одиночестве играл сейчас, головой кивая, печальную пьесу.)

Объявление: «требуется журналист», о ресторанах пишущий.

Условие: хороший стиль. Вообразим – аристократы по низкопробным кабачкам бегают, чтоб апашей нравы наблюдать и затем на любительских великосветских спектаклях копировать – вообразим этот хороший стиль. Никогда – ни за что – может быть (вероятно).

Лучше станем – переводить Кольриджа: «Стиль... ни что иное как искусство передачи смысла образом наиболее адекватным и ясным... один из критериев хорошего стиля – изменений невозможность без ущерба для смысла.

Стиль Джонсона... провоцирует истолкования бесчисленные; искусным он видится, потому что не говорит никогда просто...

Источник письма плохого в желании быть чем-то большим, нежели человеком умным – стремление к гениальности; то же самое в устной речи. Если бы люди просто изъясняли то, что изъяснить необходимо, насколько были бы они красноречивей!

Значение правильности стиля, что правдивости сродни и складу ума соответствует; тот, чья мысль свободна, пишет свободно...»

Ах. А вот вам ещё: «Только симпатия и расположение искреннее – ибо не обладаю иными привилегиями – позволят мне юным литераторам адресовать смиренное увещание, на моём опыте основанное. Оно будет кратким: вступление, основная часть и заключение сведутся к одному требованию: литературу никогда в ремесло не превращать». Неужели речь шла о Чаттертоне?..

Суровых ремесленников лица в полнолуние, восхищаясь. Белые на чёрном. Вейден в троллейбусе. Жёстче надо писать. Ремесленники-контролёры. Есть карточка телефонная (да звонить некому), хотя до сих пор проездного нет (отшельник и узник). И суровы контролёры. И он пробивает талончик в электронной штуковине с часами (новинка, евростандарт). Маленький талон был раньше как маленький телевизор.

Но не теперь.

Да, но зато наш евростандарт в моде по-прежнему. Несколько истеричная белизна стен, как каменных анатомически статичных ангельских крыльев. «По случаю» купленный в пригороде петербургском (когда стало чувствительно теплее, и везде оттепель) бордовый и блёклый с розовым (стилизует провинциальные узоры: твёрдая глянцева обложка с зелёными квадратами) томик, в коий узкая вложена из макулатуры сделанной бумаги полоска (с буквами просящими карими на синем фоне: «последний экземпляр»).

Существует мир для меня только ночью, и не вижу я в жизни солнца и всех банальностей дня, как сказал один джентльмен: право, иногда глядишь на всё это, как на обречённое гибели, безразлично. И придвинулась жизнь боком тёплым.

И вспомнилось ему, как на Палдиски в скорой везли, в Бедлам местный. Регистраторше в халате белом сказал, что постмодернизм – шизофрения, а модернизм – паранойя. Не удивились. (Здесь хочется: «не удавились».) Но мне как-то хорошо. Ничему нигде никто не удивляется. Жаль. Аристократична удивиться способность – более, чем удивлять.

Всё казалось почему-то, везли когда, что в Париж едет (а наяву воплощена Голландия настоящая с охотниками в красном, гончими благородными, – и проскакали охотники: только что, значит, в декабре скучали, и выпал снег, снег поздний), в Париж, и носилки с ремнями рядом, чтоб прикреплять души больные (вот прям сейчас, быть может, прозревающие вещей суть). Все бодрого десятка, но ежеминутно стонут, охают, бредят и кричат, что умирают. Посредством заражения – действовать!

– Значит, вы были завербованы. Полковник заученно, чтоб не смотреть в глаза, посмотрел мне в переносицу. – Вот вам бумага, пишите.

– Клянусь вам... – сказал я, но под взглядом его осёкся. – Я даже не знал... Я...

Полковник вздохнул и равномерными неторопливыми шагами подошёл к окну. За окном лил снег (либо валил дождь).

– Курите, пожалуйста, – повторил полковник и придвинул ко мне красивый портсигар с эмблемой военной разведки: стилизованным верблюдом, геральдическим львом и летящим ангелом. – Курите... голос зазвучал как бы издали, как будто воспринимал его под гипнозом, интонация стала вопросительной. Псевдоаскетичный кабинет, стол с прямоугольником белой бумаги, и телефон на стене. С чего я решил, что это английский колониальный стиль? Но размышлять было некогда. Я попытался сосредоточиться. О чём же спрашивал полковник... дым... а, бумага... дождь...

– Отвечайте, – издевался полковник, его бледная физиономия с аккуратными профессорскими усиками неожиданно приблизилась, тогда как сам он в сером, полагающемся по должности костюме оставался в некотором отдалении, в падающем из окна свете.

– Я... это не то... – как-то мямлил я. – Что вы сказали? – вдруг громко спросил я, хваля себя за храбрость. Полковник стоял по-прежнему у окна, но казался теперь меньше ростом и каким-то усталым. – Позвольте, я вам всё объяснил. Вот бумага, пишите, пожалуйста. Как вы были завербованы... и... – он перешёл вдруг на еле слышный шёпот, – тише, тише... мы знаем многое... дайте мне вашу руку... вот так! Хорошо... пульс нормальный... зрачки расширены... прелестно, прелестно!

Полковник закатал мне рукав до локтя на левой руке, затем на правой. «Правило левой руки... правое полушарие мозга», – успел подумать я, но лениво и медленно, отдаваясь во власть развратному полковнику, который теперь уже неизвестно сколько писал что-то, голову наклонив птичьим, но почти вслепую, так как всё время смотрел на меня.

Индивидуум меж двумя полюсами движется, «шизоидным» желанием – революционным, но антисоциальным, и желанием «параноидным» – социальным, но «кодифицированным» и, стало быть, репрессию собственную демандирующим.

Эдипальное запрещение, производящее взваливших вину на себя невротиков – «запрещение» желаемого – не природно, но как раз-таки результат социальной кодификации.

Ага, понятно, мистер Фикс. Да, нет – часть одной системы. Что такое эта Система? Значит, если он против, то всё равно как бы за. Досадно. Не говорить ни да, ни нет. Бегущий по лезвию бритвы. Дрожать от сладости пореза.

А однажды – позже сочинил я, что стихотворением показалось – это вот: ... Нет ошибок, другое: что разделить нельзя на два: ... И вся музыка, если разобраться.

После водки багровея и выглядя удивлённо мой дядя самых честных правил, узнав что чего-то пишу я, и чего-то не пишется мне, советы давал: «Ты, для объёма, и налей воды, ну там, природы описания дай.» Я вздыхал. Дядя был электрик.

Застолья участники родственные сочувственно чуть-чуть и немножко испуганно глядели на «несостоявшегося» писателя. Какое прекраснейшее семейство! Ещё такого не было в нашем роду, поэтому с уважением напускным и вниманием, мне представлялось, интересовались все – впрочем, не понимая. По крайней мере, есть побудительная причина усиленной работы.

Делом заняться – ну, скажем, гимнастикой, что-ли.

Видимо, все бумаги его и рукописи пришлось ему бросить в Городе и скитаться по Провинции, литературой занятия на время оставив.

Пробуждали в нём любопытство славных жителей этого края «изречения»: отдавал он предпочтение фразам неправильным («в сущности, неважно»), где человеческой жизни звучала дружеская магия (errata, erratum).

Среди рассуждений его о том, что жить – значит умирать, мелькает улыбка саркастическая, то лишь лёгкость подтверждала его существования ибо, что он не обманщик. И гении в базарный день идут по дешёвке. Игрой жизнь его не была по той же причине, и к ней он как к игре не относился.

Собеседник остроумный, памятью обладающий рода особого (ну, ничего определённого, конкретного, ограниченного), себя в счастье поглупеть (всю правду, и ничего кроме правды) убеждал: слишком он человек просвещённый, получается (стало быть – о, блаженство высшей пробы, взаимная проницаемость, пожар всех вещей).

«В течение четырёх лет проводил он дни в бездействии совершенном.» Был поднят занавес, а он чего-то ждал. Что за эти годы ни разу не охватывал нашего инока энтузиазм романтический, «поэтическая одержимость», сказать не скажем, но к работе постылой (демиургические претензии) и безумие не вернуло б его. («Демоны внушали ему возложить на себя неумеренный пост, неумеренное бдение, обременительное молитвенное правило, излишнюю скудость в одежде, излишнюю ревность к телесным трудам, чтоб ввести в высокоумие, или, истощив силы и здоровье, сделать неспособными к благочестивому подвигу. Богоугодную печаль плачущаго о грехах они старались усилить, и превратить в печаль погибельную, примесив к раскаянию во грехах безнадёжие в получении прощения; от безнадёжия приводят к отчаянию.»)

Но осознал он вскоре, что времяпровождения райского тягот дольше не выдержит, и безделью блаженному должен быть предел найден... (Идеологическое бегство, в принципе. Бежать? Беги! Приковывает бремя – сиди.)

О том провинциальные улицы напоминали, что только (только параноик стремится к тотальной систематизации) городов молодость, в отличие от младости людской, по прошествии ценится.

Пора – куда-нибудь! – непременно, немедленно, какие-то купить билеты, собрать вещи. Но какие же у него вещи? Путешествовать налегке.

Любую-любую игрушку в магазине игрушечном выбирал он – но только после того, как кровь пипеткой стеклянной жадной из него вытянули. И давали ватку с медицинским спиртом.

Особенно среди запаха магазинного и лучащейся ауры, солнечно-электрического пластика сияния, среди обручей, каких-то пластинок, лыж.

Умный. Важна кровь. А он хороший. Другой.

А он боялся – вот и всё!

Бетховен смысл знал только, – знал, и вполне выразить сумел! Исполнил всё, что положено, и был одобрен! Но оглохел после.

Представитель венской классической школы, кстати, заимствовал основную тему Девятой – в частности, Presto – Allegro assai – у Генделя, из концерта номер пять соль минор BWV 310.

Всего лишь смысл? Но нам нужно кое-что ещё... музыку, что благоволит к вторженью шумов...

Тишина, одиночество и безумие. Порожний принцип. Зеркало шута.

Работать, и – Никогда я не буду работать! Кричал Рембо. Никогда не работать! Скандировала революция 1968 года – посмотрел вдаль, всегда четырёхтомник под рукой, и окраин медленность за мглой сиреневой. Он за сигаретой потянулся, и

да он сказал да

письмо ей напишу, да. Но не отправлю, да.

– Коронный номер всей этой оперы.

– Бесспорно.

Медленно молоко мусс на столе, печенье любимое «мадлен», и ему взгрустнулось, в складки воспоминаний о рябине за окном школьным, в деревне скромном палисаде, да думалось да без остатка сгниём он здесь и теперь, теперь и здесь, журнал «Весёлые Картинки», свобода и роскошь всегда под рукой, под рукой всегда, да...

Тянет бессоница нить – свет масляный лампы в густо-синей тьме – и творожный запах запеканки в детском саду утром, глубокий тихий час и киселёвый полдник, вареники на длинных резинках, домой сестра приходит из садика забрать, да, да...

Китай. В Санкт-Петербурге сегодня днем прорвало магистральный водопровод. Как сообщили в штабе гражданской обороны, это угрожает пригородному железнодорожному сообщению. Огромное количество воды движется к железнодорожным путям. Жители посёлка Угловое перекрыли федеральную трассу Восток-Запад. За последнюю неделю украдено 5 антикварных скрипок. Подозрительного, развратного человека, уличаемого в татбе, пытали. Защита Попа говорит стихами.

Вечность, вот где прихватила...

Врёшь, не поймашь! Ещё через врачей кольцо пробиться б, маршрут машут прямым текстом изо всех сил флажками: вернись! Не туда! Вправо! Влево! Обратно! Симпатичней! Вперёд! Нам доверяй! Не доверяй никому! На полном серьёзе! Влияние! Страх! Это в природе вещей! Имена! Забудь всё! Вспомни! Брось это! Не уйдёшь от нас! Вернись, будет хуже! Постыдись! Отставить! Кругом! Его, прочим между, предупреждали! О, идиот! Дебил! Дух Святой! Прекрати немедленно! Невыразимо! Продолжай! Надеемся мы! Без боя Венера победит Марса! Мы не надеемся! О деньгах подумай! Детях! Женщинах!

Кристаллизуется память, замерзает снежинками... В шарф твёрдый говоришь, словно в трубку телефонную, и не слышит никто, но и, стало быть, не может услышать: нарывы ледяные, из оледеневших слов наросты! Да ещё для чтения в тундре очки огромные, не такие совсем, как в городе южном летом! Для жрецов и клоунов. О, алхимия иллюзий: оцеплена тундра врачами, развлекающимися хороводов плетением, слышно иногда, как перекликаются они, как поют песни, кружащие, фонарики на островерхих колпаках видны.

Из полярной кухни полевой получают полярники горячий сладкий кофе, антоновскими яблоками закусывают, поглощая вкуснейшую овсяную кашу: всё настоящее, эфирнейшая каша, а яблоки хрустят. И отдают чуть-чуть хлоркой.

О, да он растерян совсем, бедняга! Кофе ему дайте! Конформисты. Кстати, читали вы, что начертал он девушке евоной? (Что-что? на черта?) Эффекты световые, одежда, пластика исполнителей, их речь. В сущности, банально! Прекрасно! Именно! В общем-то, не плохо так уж! Но, всё-таки, неизлечим? И письмо его не достигло её. Так он нам лёд растопит весь! Исчезнет Тундра! Навсегда!

Но – ура! – вырваться удалось. Ибо знал пароль.

Глостер: Я позаботился: он у меня.
(Подает им пропуск.)

На границе Тундры! Превосходство признаком добродетели служит. Прямо.

Граница, ситуация «границы». В теоретическом смысле. Ибо что говорим мы, когда говорим «граница». Достигаем поставленной цели. Другая граница или та. Правильно! С другими (почему-то здесь иногда с большой буквы) граница. Ибо со стороны одной – то, что есть, а с другой – на самом деле что. То есть, что. Риторика.

В мысли углублён о врачах – так, оледенев слегка. Они, предусмотрительно прочитывающие все новинки медицинской литературы. Хвалящие и хулящие. Вечные жертвы.

Ну, он нос-то отморозил себе. Трагедии, и многие из них кончаются несчастьем, и так правильно. Паясничать. Сморозил! Дальше, дальше...

Мрака и льдов в неразличимости исчезновение культуры и ландшафта. Мрака и льдов... Жан Петрович, чай приглатывая, перечёл... Неплохо. И льдов мрака ... Вот только куда б это вставить? Куда б? Мрака льдов... и льдов... заснеженная пустошь... раковина фаянсовая... льдов и мрака...

Расслабился Жан Петрович, прилёг, в платочек высморкался, негодяй.

Простуда мучает эта проклятая всё. Сквозняки в Бельведере у нас тут. Франция сквозняками славна вообще: факты. Хлеб и вода наша. Мраки и льды... что ни говорите, комическое в этом что-то есть. Льды... хорошо со льдом бы гленливету и грелку тёплую. Уснуть и сны видеть... сны... во сне ледяную увидеть пустыню... белое покрывало... покрывало всё... мрак белёсый!

Вскочил Иван Петрович и по комнате зашагал возмущённо. Из угла в угол. Места свободного было много в комнате, для мыслей. Где ж это читал он, что письма даже два каких-то мыслителя больших вот так, в угол из угла... Мракольды... мда... чёрные колыты изящны...

Воспоминание возмутило Жан Петровича: с презрением отнёсся о последней гетеродигетической работе его некий фат, даже её не читая, сказал просто-напросто – фикшн, мол, сказки. Это возмущало. И от этого больно было. Это по больной душе било. Презренные обыватели! Мещане! Буржуа! Искренен, полагал он, что абстракции смешные в мире жили как-то и существовали сонмом индивидуумов отдельных.

Жан Петрович окно открыл и (стоял на побережье дом) вдохнул воздух холодный морской, – забыв, что простуда у него – и закашлялся тут же.

Вот идёт кто-то по кромке воды и песка. Упал, что ли? Нет.

В немецком языке есть слово отличное – Schriftsteller. Вовсе он не пишет – ставит буквы.

Приблизительно так: «Jetzt bin ich leicht, jetzt fliege ich, jetzt sehe ich mich unter mir, jetzt tanzt ein Gott durch mich». Всё это о чтении и письме.

В такой погожий день, как сегодняшний, бродить он обречён – слуга, хозяин неизвестен – среди теней таинственных (душою не опознанных, но – романтично! именно, но ещё допреж Рима!), так всё-таки живых и мёртвых роднее оные (ещё намёк на того, кто записывал за античным декадентом – ну, а мы, слава всему, не буддисты). Печатью сделка скреплена, и опротестовать не сможет он контракт (видимо, сделка с чёртом), зане (вернуть нельзя билет) он вечен, – ух, вскую твоя работа призрачная (знаком и нам крылатый мальчик).

Некогда словно б что-то заставляло его (музыка громкая) корпеть над чем-то (но кто подруга его счастливая?), телевизионные проповеди – добро пожаловать, сказал мельник – слушать.

По логике странной – обыкновенная самая классическая логика абсурдна наиболее – отлично! но важно здесь другое – чтоб понял он, что нелеп побег – отсюда, но куда? – и чувствует тогда, как опьянели птицы от белизны небес (бывало, просыпаешься в келье общежитской, а вспененный белизной десерт уж на столе – принесла подружка). К обыденности.

А теперь – бродить без места, по земле чужой вышагивать, улицам узким каменным. Расстояние, где шагов его слышен шум, невелико зело (аще в городе старом прилично, зане движение пешеходное).

О, к мизантропии склонные, мы, если влюблённые, то уж желчные непременно.

И он проводит время с приятелем в кафе библиотечном, эль (о, эстет!) отсутствует, жаль, но есть пиво тёмное, можно с ликёром смешать (коктейль вульгарный), есть виски дешёвое и белое вино, до книг теперь не добраться нам, чем более внутри нас смеси профилактической, тем легче чтение наше – без книг. О, вычурнословый: бог Тот, библиотек покровитель, птице-бог, увенчанный луной. (Однажды взялся он Джойса переводить, но далее халата из первого абзаца не продвинулся). Слова попроще (ах, той простоты, что на самом деле изысканность). Внизу книг три подвальных этажа, разговору придают они комический оттенок: так и мы сейчас – персонажи всех повествований сразу. В голове нашей мысли бродят, а обмениваемся ими изредка – молча!

Будничная жизнь, экзотики никакой: разве смущают нас шалости подростков в тяжелых лифтах из нового перевода Рембо? Не предосудим.

Был поначалу замысел – уехать план куда-нибудь – и названивал он в туристскую контору, чтоб цену узнать до Нью-Йорка на теплоход. Оказалось не гораздо дорого – можно компьютер продать и уплыть, и не вернуться, и музей Хемингуэя посетить, и в благопристойной американской провинции навсегда затеряться, скитаться от фермы к ферме, нанимаясь на работы сезонные, старый найти оставленный хозяевами дом и в нем поселиться и пить виски осенью и зимой, а летом в Калифорнии выпутаться удачно из силков иммиграционной службы, жениться на глупой американке и по вечерам играть в покер с провинциалами-соседями, всё как в жизни!

Ажно книг напор в подполье нас выдавит из атмосферы земной – невесомость всего – внизу, там, тесно чересчур, но пресыщенные тексты готовы поглотить всё, словно вакуум. Внутренняя дисциплина, собранность: в лёгкой аберрации сквозь незримые стены лабиринта проходим.

Ощущение в беседе санного скольжения, как бы электричества внутри. Непреодолимо – отъединяло нас – молчание. Да, делаем то, что хотим.

Ох, не могу, сейчас в вишнёвом саду мы, садов вишнёвых и никогда не было нигде. Жажды жгло нас отсутствие. Слушай, не двигайся, так лучше, но где же кисточка. Молчание, молчание, вербальных, невербальных – никаких знаков. Я не делала никаких знаков! С ума сойти! Хорошая стратегия! Чья? Близко вовсе.

Воображаемых треугольников отношения мало, в общем-то, занимали его – и справедливо совершенно (эрос и геометрия – парочка равнобедренная). Он по узким улицам вольным бродит – в городе, где бутафория средневековая – и улыбается тихонько. Но тает, тает улыбка.

Пластинки, холодный холод путешествия польской иглы как бы по чёрным подвалам. Грампластинка всегда как бы в пустыне. Что раскинулась на заре и во сне. И вот болото пустыни засасывает. Змейками тянутся звуковые дорожки. Отличная у вас коллекция. Плавный ход звукозаписи. (А зачем снимать?..)

Правда, коллекция слегка поднадоевшая. Но «нужная». А в рассмотрение воспоминаний вообще замечательная. Красота-то какая. Бесконечные «сессии», конверты и обложки. Вот если бы достать с полки. А не купленная редкая банда густо банальна.

Тихо крутится и звучит. Ого, ни одного холостого рукава пластмассовых рек.

И отшелушивается в странствиях – в порожних пригородных электричках, где мы – ах, почему ты всегда делаешь только то, что я тебе разрешаю? – одни, совсем одни, мимо закрытых ночных ларьков – ветхое время, и чиста вновь душа.

Душа (ещё вчера была). Душечка. В объятьях задушить. Душка. Дуся! Словно в театре кукольном. Вот как преподобный авва Дорофей братию свою поучает: «Каково бы ни было дело, малое или великое, не должно пренебрегать им или не радеть о нем, ибо пренебрежение вредно, но не должно также предпочитать исполнение дела своему устройению, чтобы исполнить дело, хотя бы оно было со вредом душе... Будьте уверены, что всякое дело, которое вы делаете, велико ли оно, как мы сказали, или мало, есть осьмая часть искомого, а сохранить свое устройство, если случится не исполнить дела, есть три осьмых с половиною».

Аминь.

Раз зашла речь о разогреве вчерашних пирогов: расстегая с бульонными добавками приобретают невероятно свежий вкус после разогрева ...

1. Вне времени и пространства нет ничего [для человека];
2. Времени и пространства нет: то, что происходит, происходит благодаря трансмутации Энергий;
3. Самость, или Душа [человека] Энергия не есть, но также и не иное;
4. Атомный Апокалипсис – событие, новую субатомную Самость определяющее;
5. Апокалипсис осознать как личное неповторимое событие избранным дано;
6. Новая Самость [человека] в сверхчеловека превращает;
7. Тела [человеческого] возможности ограничены, новая Самость получит новое тело.

Эдак, гуляя, по-гулливеровски француза какого-нибудь схватишь, на него посмотришь, да и думаешь: «Нет, брат, точно, – того-этого, хватит». Парижского-то. Лёгонький больно какой-то ты. Но девчонка премилая. Так скажешь: «Эк, братец, мол, хватил.» И к немцам пойдёшь. За грань земного бытия. Да не к англичанам только, нет, не проведёшь меня! К англичанам! К этим уютным ихним домишкам с окошечками круглыми! Под крышами черепичными! Нежный пыл душевный. В смутной английской дымке. (Обратите внимание: современная алхимия: мышь, монитор, как вызов в духовный суд – The jury are considering their verdict – сквозь магический кристалл, набор ключей – щёлкающая клавиатура, соло на беззвучном фортепиано). Айда – к немцам, напротив! К графиням и курфюрстам. Вот потеха!

Кетхен

А судьи – это люди в масках?

Граф фом Штраль

Да.

Потому что – у немцев-то оно как-то эдак-то, а такие ведь англичане – как бы это – ну так вот. Ясная голова и твёрдая рука.

Весна скоро будет, и Венеции скрипки тихие грусть твою распоют, расстанцуют печаль. Не страдает альбом от отсутствия «фишек»-спецсредств, но изощрения все в песне «Кранты» («Плачет») превзойдены: в медляк вплетены инфразвуковые сигналы частотой 6 Гц, чтоб неонордические слабаки всякие и «постмодернисты» от гнетущего воздействия вешались. Он что, вообще без масла в коробке ездил? Виртуозны мощные соляки Стакана. И потом,

как уже сказал, подшипников кроме ещё там всего полно – подшипник, скажем крутится на вале, если кранты подшипнику, то валу обычно кранты тоже и т.д. Возможно, следующим релизом «Крантов» станет сингл «Победа», куда войдет одноименный новый хит, кое-какой архивный материал и ремикшированные версии композиции «Налетели беркуты – наркоманам всем кранты»: сотрудники «Беркута» накрыли притон. Такой плотности наркоманов на метр квадратный видеть не приходилось ещё! Специфические лица, запах специфический. А вот посуда с десятками использованных шприцев. Надели одному мужчине наручники. Только он освободился (по его словам), а несколько пакетиков с кокаином – в карманах.

Ох, у меня валеночки теперь, ой, на твоих подошвах, тапки взяла твои домашние, вот с хлястиками, их выбросил ты, нет у меня же подошвы никакой, и неслышно хожу я, у меня ж не было подошвы, хорошо тебе тоже будет валенки одевать, сто рублей заплатила я за валенки. Сегодня я на рынок тогда не иду, борщ у нас есть, так что и котлетки: разбиралась-разбиралась со счетами своими: мне они сколько положено не снимают, сняли за электроэнергию только и за отопление, я вот спрошу у них, сколько компенсацию сделали мне, должны они мне оставлять 500 крон, а не остаётся ничего от пенсии. Ещё не завтракала я сегодня, не хочу и есть не иду вот.

Вот у нас как ветер северный, так холодина, да приходится приоткрывать ещё окно немного, чтоб не портились продукты-то, и у тебя смотрю я приоткрыто там, тоже ветер свищет.

Чем бы заняться, чего бы разобрать, где бы навести порядок!

«И начинаю, кажется, некий покой обретать.»

Некий покой обретать.

Камнем. Остановить часы.

Гоголь палкой ящериц, палкой. Порядок!

Просто невозможно. Пугать стало.

А в голове бессмысленность. И придти к такому? И всю жизнь так. А стремился он к чему?

Всякий мелкий буржуа зачитывался апашеской литературой.

Почему мне не отвечает Бог? Рабби Джерри Лоб, доктор; консультации. Ответьте мне! Если Вы ищете занимательного способа проверить Ваши знания и волнующих переживаний. Ответь, моя любовь. Любовь моя, в чём грешен я, скажи... Тогда ответь мне, Гейтор-фан, команда Небраски номер один в предварительных играх. Несколько недель тому назад Джим Гоад из Answer Me! сказал, что там с пивоварением в Беллингеме, Вашингтон, один час к северу от Сиэттла какие-то проблемы. Кажется, женщина... агония госпожи Б. – с точки зрения современной медицины. Расскажите, пожалуйста, об Аристофане. Ответьте-ка мне, когда это из моды вышло прибавлять “-st” к словам типа “whilst”? Хор: Ответствуй! Унынье тебе не поможет, Услышь меня, Обитель сомнений покинь! Скажите-ка, что вижу я, закрыв глаза? Хор: Ответствуй! Унынье тебя не спасёт. А можно немного рекламы? Ответьте, мне, дражай-

ший доктор: гнусавлю я, с тех пор как простужен. Нам кажется, что вопросы клиентов всегда предоставляют возможность для построения неких отношений, вы не находите? Кто-нибудь! Ответьте, что в повестке дня? Не отвечайте мне. Задайте себе этот вопрос. Спонсируется компанией «Ответьте мне». Следующий выпуск не пропустите. Хор: Ответствуй! Унынье тебе не поможет, Услышь меня, Обитель сомнений покинь! Хор: Ответствуй! Унынье тебя не спасёт!

Однажды – да и не стрелок даже, а (потому, что бытие слушал) слушатель – книгу философскую открыв, фигу увидел – да не фигу, а пробел сплошной. Фигу увидав, удивился он и пошёл анекдоты рассказывать – только не выдумывать! не врать! – да не куда-нибудь, а в Аддис-Абебу. Долго ли недолго странствовал он, да покудова ему не попалась бумажонка заветная, а в ней языком сказано пространно: много званных, да мало избранных. С тех пор его и не видал никто. Говорят разное, правда, – но, не знаю чего, врать не стану о том.

анекдот первый

Это... я вот в поликлинику-то ходил когда, так у меня карточки медицинской не было, пришлось одолжить. Да, видите ли, камни в почках. А что? Может, интересно кому, тогда я так, это... самое... вот гады, не дают карточку мне... дискриминируют... я ж безработный, в лечебную кассу не плачу... да... медицинского обслуживания лишён права... у них там техника – супер, проверили всё, на экране показали, результаты распечатали... да... такие дела... камни – это не ревность, это камни... это вам не Шуберт, не Селин... не Моцарт... это вам чай травяной и в жуткой боли кататься... по кровати-то... да ещё вид на жительство надо было получать, а там очередь – охренеть, куда корреспонденты смотрят... а туалет-то в соседнем здании... там ещё бомжи номерки-то продают в первые ряды... в смысле, в очереди, не в туалете... очередь-то в пять утра занимают... без балды, в натуре... а одна бомжиха хлопнулась на ступени – припадок был эпилептический, чего там, птичья пристальность... ну, кровь, из затылка... тёмно-красная лужица такая... да, у всех мобильные, ништяк, скорую вызвали... ничего, увезли конечно... и в тот же день визу в русском консульстве... а это вам не Пьер Бурдьё... визу-то получить... это 250 эстонских крон... это 15 долларов США... не Хемингуэй тоже... а в общем ничего, полный Борхес тут... рекомендую, если захочите приехать, там, погостить... добро пожаловать... да...

анекдот второй

Это... встаю я, значит, утром... а благодать уже на улице, ноябрь хотя, а солнышко, и небо светлое такое, с такими подпалинками по краям нежными... так что за пристальную работу дабье, к компьютеру, тщась роман... а спросите, что за роман? это не от безделья значит, импровизация, а сказать чего дельного паки... вот роман всякий... медленный... тяжёлый... всех чтоб спасти, понимаете, от жизни в тако бытие... нет, чтобы лучше всё было... хотя куда уж лучше... ну вот... сначала, конечно, разобраться надо, кто я, откуда, к кому гряди и далее так.

Куда иду и так далее, да. И вот (одни и те же разговоры повторялись – до самого вечера: сплин петербургский, фасады скобок и черна скорбь), вот ужас-то: ведь не дворянский род, а дворянский хоть бы, проследить разве – обман мой таял и росла тревога – могу, кто да откуда, ведь что до Ивана Грозного – гигантов строй, не нам чета – вообще времён во мраке, и память потеряна о родословных тех грамотах. Ну, кто может и – про раньше о себе всё выяснил, спорить не стану. А так и братья-то – не стоит: дело пустое. Про откуда это.

А зачинать если о том, кто ж я – и того непросте, хоть и просто всё вроде бы. Ведь, скажем, человек, а человек что такое – и не знает никто, выходит так. Философ древний сказал, что курица ощипанная, а ведь, ей-богу, умнее никто ничего и не придумал с тех-то пор!

Курица, то есть. (Кстати, меня, как повара и профессионала, честно говоря, мало радует, что сейчас птицефабрики наши переходят на западные технологии и кормят несчастных куриц искусственными прибавками.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.